

РАЗВИТИЕ ОТЧЕСТВА В АНТРОПОНИМИКОНЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Горелова Ольга Владимировна

*К.филол.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет
gorelovaolvl@mail.ru*

DEVELOPMENT OF PATRONYMICS IN THE ANTHROPNOMICON OF THE FAR EAST (BY THE MATERIALS OF METRIC BOOKS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

O. Gorelova

Summary: The article is devoted to the analysis of the features of the formation and functioning of the patronymic in the official naming of a person in the middle of the XIX century. The author considers a new stage in the development of personal naming, which is characterized by the consolidation of composite names of a person. The article considers the specifics of naming in metric books as a document of registration records that has legal significance (the presence of a namesake was extremely undesirable). The author highlights the reasons for the appearance of multicomponent naming, consisting of anthroponymic and appellative nominations, among which the patronymic is fixed as one of the leading components of the face naming model. The article presents an analysis of various nominations, in which patronymic naming is observed. The author focuses on the issue of distinguishing the concepts of «patronymic» and «patronymic» from a relatively new period of development of the anthroponymic naming formula. Having become an obligatory element of the nomination, anthroponyms on behalf of the father in their function approach the function of the modern patronymic. An attempt is made to describe the general trends in the use of patronymics in a business genre document (synthetic and analytical).

Keywords: metric book, onomastic vocabulary, anthroponymicon, anthroponym, patronym, patronymic, namesake.

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей становления и функционирования отчества при официальном именовании лица в середине XIX в. Автор рассматривает новый этап развития личного именованя, который характеризуется закреплением составных именованя лица. Рассматривается специфика именованя в метрических книгах как документа регистрационного делопроизводства, имеющего юридическое значение (наличие тезоименности было крайне нежелательным). Автор освещает причины появления многокомпонентных именованя, состоящих из антропонимических и апеллятивных номинаций, среди которых закрепляется отчество как один из ведущих компонентов модели именованя лица. В статье представлен анализ различных номинаций, в составе которых наблюдаются патронимические именованя. В центре внимания автора вопрос разграничения понятия «патроним» и «отчество» относительно нового периода развития антропонимической формулы именованя. Став обязательным элементом номинации, антропонимы от имени отца по своей функции приближаются к функции современного отчества. Предпринята попытка описания общих тенденций употребления отчества в документе делового жанра (синтетических и аналитических).

Ключевые слова: метрических книга, ономастическая лексика, антропонимикон, антропоним, патроним, отчество, тезоименность.

Середины XIX в. во всех видах документов обязательно употребляется отчество при официальном именовании лица, графа об отчествах появляется повсеместно. Данная графа есть и в формуляре дальневосточных метрических книг второй половины XIX в.: *Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вѣроисповѣданія* (Фонд И-85.44, д.1 а, л. 35 об.) или *Званіе, имя, отчество и фамилія умершихъ* (Фонд И-85.44, д. 1, л.10 об.). По замечанию А.В. Супранской, «формы русских отчеств не менее показательны в хронологическом отношении. Несмотря на то, что многое в этой области дискуссионно и кое-что до сих пор не вполне ясно, языковой материал остается самим собой, независимо от его интерпретации» [5, с. 20].

Возникновение отчеств было обусловлено естественным ходом развития антропонимической системы. С течением времени недостаточно было одного лишь личного имени для идентификации личности именованя, отчество как второй компонент в модели именованя делало именованя более точным и конкретным. Новый этап развития личного именованя характеризуется переходом к составным именованям. Одной из причин является относительно ограниченное число календарных имен, которых было недостаточно для выделения индивида. Поэтому требовались дополнительные средства, как антропонимические, так и апеллятивные для более точной идентификации лица. Для различных деловых бумаг, имеющих юридическое значение, в том числе метрических книг, это было особенно важно. В.Е.

Гвоздева отмечает, что «... распространение тезоименности в официальных документах было крайне нежелательно и приводило к разного рода ошибкам. Писарь стремился уточнить имя носителя, присоединяя к его имени различные уточняющие слова, вторые элементы» [2, с. 4]. Поэтому мы можем говорить и о социальной необходимости в определении лица по отношению к отцу или другому предку, являющемуся главой семьи. Данная тенденция привела к появлению определенного компонента в регулярной словообразовательной модели личного именования – притяжательного прилагательного, согласованного с личным именем денотата, которое в дальнейшем субстантивируется. Возникшие в языке регулярные модели имен собственных (включающие патронимическое образование) связаны прежде всего с их социальной функцией и выполняют так называемую адресную или паспортную функции. «Отчества – заданный, запрограммированный именованьем отца компонент в структурной формуле именования лица, следовательно, он обязательно обусловлен также наименованием по имени главы семьи, т.к. именно отец – актуальный глава семьи» [3, с. 73].

Став обязательным элементом номинации, антропонимы от имени отца по своей функции приближаются к функции современного отчества. Современное понимание термина отчества сводится к следующему: «Отчества – слова, входящие в состав именования людей и обозначающие отца – носителя того или иного имени» [7, с. 5] или «Вид антропонима. Именованье, произведенное от имени отца» [4, с. 102]. Однако В.К. Чичагов считал отчествами второй и третий компоненты модели именования лица в XVII в., но различал два вида отчеств: 1) «собственно отчества», образованные от личных имен и согласуемые с именем – Иван *Петров* сын; 2) «прозвищные отчества», которые иногда не согласуются с личным именем и имеют форму родительного падежа на *-а* – Петряше Иванову сыну *Болдина* [7, с. 46].

В антропонимической литературе в настоящее время часто употребляется термин *патроним*. В Словаре русской ономастической терминологии термин *патроним* определяется следующим образом: «Патроним (патронимическое имя) – Дериват от имени или прозвища отца: прозвище, прозвание, фамилия от прозвища отца или предков по отцовской линии» [4, с. 108]. Но данное определение представляется достаточно обобщенным, т.к. нет конкретного определения одной антропонимической категории. Более узкое и четкое определение дано Н.В. Подольской: «Патроним (патронимическое имя) – Вид антропонима. Для древнерусского периода именование человека, образованное от имени или прозвища отца, или предков по отцовской линии» [4, с. 104].

Б.О. Унбегаун называет и вторые и третьи члены модели именования лица патронимами: «если у отца было

два имени, то второе также могло быть включено в патроним...» [6, с. 14].

И.А. Королева отмечает, что термин патроним в антропонимической литературе может иметь два значения: 1) именованье по отцу, 2) обозначение места происхождения, жительства человека. И вместе с тем сам термин в первом значении синонимичен полностью термину *отчество*. «Патроним, патронимическая форма, – антропонимическое образование релятивного и вторичного характера, произведенное от имени (прозвища) отца или предка по отцовской линии, выполняющее индивидуализирующую и идентифицирующую функции» [3, с. 50].

Относительно материалов метрических книг второй половины XIX в. корректным будет использовать термин *отчество*, т.к. в изучаемый период происходило завершение формирования процесса именования и закрепление второго компонента личного имени человека, и, кроме того, патронимические образования от прозвищ уже не встречаются. Мы можем говорить о том, что в исследуемый период отчества проникли в состав именованных представителей всех социальных групп, некоторые же примеры двухкомпонентных антропонимических моделей указывают на то, что использование отчеств является нормой при записи лица в документах официально-делового содержания. Кроме того, термин *отчество* имеет более узкое значение по сравнению с термином *патроним*, что также отражает фактический материал дальневосточных метрических книг второй половины XIX в. И.М. Ганжина, анализируя материалы писцовых книг XVII в., пришла к выводу о том, что в моделях именования лица второй компонент, образованный от календарного имени, «можно с большей долей уверенности считать отчеством, т.к. тщательный анализ показывает, что почти во всех (за редким исключением) встреченных в писцовых книгах именованиях фамильные прозвания образованы от нехристианских имен, а за патронимами от христианских имен уже в этот период закрепились функции отчества» [1, с. 40].

В собранном нами антропонимическом материале отчества представлены в 90% именованных. В основе антропонимов, которые могут быть квалифицированы как отчества (собственно патронимы), в 100% случаев лежат документальные формы имен, качественные формы имен отсутствуют, что определяется назначением и обязательной формой записи в метрических документах. Нами найден единичный пример двухкомпонентной модели именования, в которой второй компонент (который по нашему мнению является фамилией) образован от качественного: *По женихъ и невѣстѣ козаки Амурскаго пѣшаго баталіона Иванъ Димовъ и Захарій Кузнецовъ* (11, л. 18) Отчества, или простые патронимы, образованные с помощью суффиксов *-ов / -ев* от основ календар-

ных имен (антрополоксема в именительном падеже) на твердый или мягкий согласный и *-ин* от основ на гласный составляют большинство антрополоксем в составе метрических книг. Данные словообразовательные модели встречаются в 98,9% всех именовании, имеющих в своем составе отчество, т.к. в XIX в. произошел окончательный переход к синтетическому выражению отчеств. *Старший фельдшер Хабаровской Поставой команды Василий Николаев Шпакъ* <...> (11 л. 1 об.); *Крестьянин Софийского Округа Воронежского Селения Семень Ивановъ Усовъ* <...> (11, л. 3 об.); *Сынъ рядового № 1²⁰ Восточно-Сибирского линейного баталіона Петра Михаилова Слаенова* <...> (12, л. 2 об.); *Унтеръ-Офицеръ № 1²⁰ Восточно-Сибирского линейного баталіона Федоръ Степановъ Перваловъ* <...> (12, л. 3).

Данное соотношение указывает на то, что синтетические патронимические образования с формантами *-ович* / *-евич* были социально ограничены вплоть до конца XIX в. Так, например для антропонимов *Иванов*, *Петров*, *Михаилов* в указах Екатерины II был официально закреплен термин *полуотчество*. Употребление определенной структурной модели именования лиц различных социальных групп позволяло регламентировать использование отчества: всех государственных чиновников первых пяти классов рекомендовалось писать с *-ович/-евич*, а остальных лиц с полуотчествами на *-ов*, *-ев*, *-ин*). С формантами *-ович/-евич* в дальневосточных метрических книгах записаны единичные лица, образованные люди или чиновники высшего ранга: *Старший лекарьский ученикъ Николай Марковичъ Антоновичъ и Коллежский секретарь Феликсъ Лаврентьевичъ Кладницкій* (10, л. 10 об.). А.В. Суперанская отмечает, что «до XVI в. отчества с суффиксом *-ов-ич* имели специфическое феодальное значение: указывали, что именуемый – наследник майората, т.е. земельного надела, который получал по наследству старший сын князя. В XVII в. жалованные вотчины приравниваются к родовым, и первоначальный смысл именовании на *-ов-ич* теряется. Однако длительное употребление отчеств на *-ич* дифференцированно от отчеств на *-ов* / *-ин* (последние указывали лишь на патронимические отношения: *Иван Петров сын*) наложило на них определенный стилистический отпечаток – обозначение вежливого отношения к лицу» [Суперанская, 1977, 21]. В качестве подтверждения сложившейся тенденции может служить единичный пример двухкомпонентной модели именования (хотя данное именование может быть отнесено и к патронимическим фамилиям): *По женихъ рядовой Хабаровской поставой команды Викентій Кондратовичъ* <...> (12, л. 18); а также пример исправления антропоформанта *-ович* на *-ов*: *Георгій Фердинандовичъ Гертнеръ* исправлено на *Георгій Фердинандов Гертнеръ* (11, л. 80). Купцы, мещане, военные и крестьяне, составляющие фактически абсолютное большинство лиц, зафиксированных в изученных материалах метрических книг, записаны с так называемыми полуотчества-

ми на *-ов* / *-ев* или только по имени и фамилии.

Другим немаловажным фактором, влияющим на выбор суффикса для отчества, является жанр документа, правила его оформления. Мы можем говорить о том, что правила оформления метрических документов предписывали употреблять отчества с суффиксами *-ов* / *-ев*, *-ин* / *-ын*: *Матрозъ 27 флотскаго Экипажа Абрамъ Сергеевъ Сергеевъ* <...> (12, л. 4); *Софийский мещанинъ Сидоръ Григорьевъ Губановъ* <...> (12, л. 6); *Дѣти поселки Селения Хабаровки Анастасіи Максимовой Колесниковой* <...> (12, л. 12); <...> *По невестѣ тогоже баталіона Унтеръ Офицеръ Викулъ Ивановъ Раздавиловъ и рядовой Григорій Никитинъ Быстровъ* (12, л. 18), т.е. дальневосточные метрические записи XIX в. обнаруживают большую степень единообразия в оформлении отчества. Социальная дифференциация в использовании антропоформантов сохранилась, но получила несколько иное наполнение.

Аналитическое выражение отчеств также встречается в дальневосточных метрических книгах. По структуре аналитические патронимы мы можем разделить на простые (состоящие из отдельной антрополоксеммы и номенклатурного слова *сын*, *дочь*, *дети*) и составные (включающие календарное личное имя, отчество и фамилию отца в родительном падеже с номинативным словом *сынъ*, *дочь*, *сестра*, *падчерка*): *Сынъ казака того же Баталіона и станицы Афанасія Оверина, Корнилей Афанасьевъ* <...>. В дальневосточных метрических второй половины XIX в. наблюдается тенденция употребления составных аналитических патронимов в именовании женщин: <> *дочь умершаго Нерчинскаго мѣщанина Стефана Туголукова дѣвица Александра Степанова* (12, л. 8); <...> *дочь Казака Забайкальской области №1²⁰ Баталіона Деревни Титовой, Дѣвка Фекла Кирилова* (12, л. 40); *Сестра казака усурійскаго П.К. Баталіона, ст. Вннюковой Анисима Распопова младенецъ Февронія* (12, л. 72 об.); *Падчерка казака Усурійскаго пѣшаго баталіона Станицы Козакевичевой Андрея Минарскаго дѣвица Анастасія Сергеева* <...> (11, л. 19 об.).

Отчества, как правило, встречаются не только в именовании незамужних женщин, но и в составных аналитических андронимах, включающих календарное имя мужа, его отчество и фамилию в родительном падеже с номинативным словом *жена*: <...> *крестьянина Хабаровскаго поста Сергея Яковлева Коровякова жена Лукерья Назарова* (11, л. 11); <...> *рядового Хабаровской Поставой команды Николая Моисеева Бурмакина жена Параскева Степанова* (11, л. 11); *Жена фельдфебеля № 1²⁰ Восточно-сибирскаго Линейнаго баталіона Сергея Тургунцева Екатерина Петрова* (11, л. 23 об.);

Материалы дальневосточных метрических книг свидетельствуют о том, что употребление отчества не всегда было строго обязательным в формуле именова-

ния лица, патронимические образования не представлены в именовании порядка 300 лиц: *Поручители по жених козаки того же баталіона Максимъ Саламатов и Иванъ Соснинъ, апоневхсте Феофанъ Рохковский и Іовъ Сючевъ* (12, л. 61); *Охотский мщанинъ Алексей Чупинъ православный вторымъ бракомъ* (13, л. 9 об.); *Крестьянинъ Воронежскаго селенія Никифоръ Клементьевъ и крестьянина тогоже селенія Трофима Коснырева жена Анна Семенова* (12, л. 5).

Таким образом, в официальных моделях именованія, зафиксированных в дальневосточных метрических книгах второй половины XIX в., существует сформировавшаяся в определенной степени антропонимическая категория *отчество*. Материалы дальневосточных метрических книг позволяют говорить о существовании устоявшихся норм употребления так называемых полуотчеств в документах данного типа. Отчества могли выражаться как синтетическим, так и аналитическим способом. Преобладают синтетические образования,

аналитическое выражение получили только андронимы. В качестве языковой категории отчество имеет хорошо развитый план выражения: компонент простого патронима, занимающий второе место в модели именованія лица, образованный от календарного личного имени отца и оформленный суффиксами *-ов/-ев, -ин/-ын, -ович/-евич*. Планом содержания данной категории служит сложившееся представление о необходимости установления ближайших родственных связей в патриархальном обществе. Создание отчеств преимущественно на базе календарных имен свидетельствует и о развитии, и об окончательном закреплении категории *календарное личное имя* в русском языке. Метрические книги свидетельствуют и о такой особенности развития русской антропонимической системы, как разграничение формантов отчества. Данная дифференциация свидетельствует о специфическом сословном разграничении формантов, а также о традиции ведения определенного типа документа (жанровой характеристики антропонимической лексики) второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганжина И.М. Развитие официальной системы именованія лица периода её становления. Способы именованія помещиков (по материалам Тверских писцовых книг XVII века) / И.М. Ганжина // Вопросы изучения среднерусских говоров. – Тверь : ТГУ, 1992. – С. 39–47.
2. Гвоздева Е.Л. Способы идентификации лица в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. / Е.Л. Гвоздева – Николаев : Николаевский гос. пед. инст-т им. В.Г. Белинского, 1992. – 12 с.
3. Королева И.А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси / И.А. Королева. – Смоленск : Смоленский государственный педагогический университет, 1999. – 174 с.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 188 с.
5. Суперанская А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) // Историческая ономастика / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1977. – С. 7–27.
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М., 1995. – 443 с.
7. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. / В.К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.
8. Метрическая книга Гольдской миссии за 1871–1884 гг., 1886–1888 гг., 1891 гг. (И-85. 44. 2, 269 л.)
9. Метрическая книга Охотской Преображенской церкви 1876 – 1879, 1890, 1891, 1894 (И-85. 44. 3, 222 л.)
10. Метрическая книга Софийской Казанской Божьей Матери церкви за 1877 г., Мариинской Успенской церкви за 1877г. (И-85. 44. 7, 42 л.)
11. Метрическая книга Хабаровской церкви святой Марии Магдалины за 1870 г. (И-85. 44. 16, 30 л.)
12. Метрическая книга Церквей Хабаровского края: Хабаровской церкви за 1867, 1868 гг., Хабаровской церкви святой Марии Магдалины за 1867 г., Усть-Усурийской Петро-Иннокентьевской церкви за 1867, 1868 гг., Средне-Усурийской Михаило-Архангельской часовни за 1867 г., Верхнее-Усурийской Илиинской часовни за 1867 г., Гольдской миссии за 1867г., Средне-Усурийской церкви за 1868 г., Верхнее-Усурийской церкви за 1867, 1868 гг. (И-85. 44. 1а, 305 л.)

© Горелова Ольга Владимировна (gorelovaolvl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»